

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-487-497

Особенности политического поля «сильной» и «слабой» власти: допустимые пределы*

А.Н. Данилов¹, Д.Г. Ротман²

¹Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь

²Центр социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Республика Беларусь
(e-mail: a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

В статье рассматриваются особенности функционирования политического поля «сильной» и «слабой» власти, исследуются социальные институты и структуры, влияющие на трансформационный процесс. Авторы предлагают новое прочтение понятия «политическое поле», где его основными характеристиками выступают статусные роли субъектов, конфигурация пространства, спектр поля, характер взаимоотношений противостоящих сил, методы сохранения приоритетов противоборствующих субъектов. В статье обозначены проблемы взаимодействия власти и оппозиции, механизмы удержания власти, тенденции и перспективы развития процессов в политическом поле «слабой» и «сильной» власти в период кризисов, глобальной нестабильности и ошибок власти, приводящих к кардинальным переменам в общественном мнении. Авторы отмечают, что столкновения на политическом поле по-новому формируют политическое пространство, что обусловлено как особенностями исторического развития, так и социально-экономической и политической ситуацией. Трансформация постсоветского мира еще не завершена, и переход постсоветских стран к устойчивому развитию видится авторам через адаптацию к новым реалиям. Особенность политического поля — постоянное противостояние его субъектов: чем неустойчивее политическое поле, чем выше непредсказуемость событий и роль лидера как носителя высшей власти. В современном государстве опасность дестабилизации присутствует всегда вследствие информационных войн и новых форм воздействия на массовое сознание, ценности и поведенческие установки. Эмпирическая база статьи — мониторинговые социологические исследования Белорусского государственного университета, реализуемые с 1987 года для определения уровня социальной напряженности и политической стабильности, «заполненности» политического пространства, рейтингов политиков и т.д.

Ключевые слова: политическое поле; «сильная» и «слабая» власть; оппозиция; сценарии и механизмы смены власти; «мягкий» и «жесткий» варианты смены власти

* © Данилов А.Н., Ротман Д.Г., 2020.

Статья поступила 23.04.2020 г. Статья принята к публикации 10.06.2020 г.

После обретения суверенитета новые независимые государства, еще вчера политически пассивные, резко активизировались, а с ними и весь мир меняет свои привычные очертания. «Этот процесс пошел тяжело, неупорядочно, болезненно, во многом хаотично. Исчезли старые социальные страты, возникали новые, усиливалось социальное расслоение, менялась социально-профессиональная структура общества» [16. С. 9]. Образцом для выстраивания новой реальности для кого-то стал «витринный» Запад, кто-то обратился к своему прошлому — стратегии власти на новом политическом поле кардинально изменились. Получило новое прочтение понятие «политическое поле» — в условиях разнообразия функций власти появилась возможность характеризовать ее как «слабую» и «сильную».

Социологи Белорусского государственного университета имеют большой опыт изучения ситуации на политическом поле постсоветских стран. В режиме мониторинга с 1987 года проводились исследования общественно-политической и экономической ситуации в Беларуси, а также замеры в период всех электоральных кампаний (предвыборные, экзитполы и послевыборные исследования), начиная с выборов народных депутатов СССР в 1989 году. Эти исследования проводились на основе авторских методик сбора и анализа информации: определение уровня социальной напряженности и политической стабильности, расчет объема «заполненности» политического пространства и рейтингов политиков, изучение мнений труднодоступных респондентов и т.д. [10]. Наши многолетние исследования позволили выявить особенности политического поля и выделить тенденции его развития — возможности возникновения «незаполненного пространства» и точки бифуркации, грозящие неотвратимыми переменами.

Радикальные изменения на постсоветском пространстве вызвали повышенный интерес социологов к трансформационным процессам. На политическом поле стран, образовавшихся на территории бывшего Союза, появились новые политические партии и демократические институты, началась реальная политическая конкуренция и открытая борьба за власть. В экономике приоритетом стали рыночные механизмы, появилась частная собственность, богатые и нищие — началось невиданное ранее расслоение населения. Перемены стали определять ситуацию на политическом поле, и новые структуры и лидеры стали занимать главные позиции на новом политическом Олимпе. Вследствие изменения экономических основ общества кардинальные перемены протерпела и общественная среда, причем не только в сторону либерализации: изменился общекультурный ландшафт, наполняются новым содержанием базовые ценности и социокультурные предпочтения разных социально-демографических групп. Направленность и глубина перемен были обусловлены особенностями исторического развития, так и сложившейся социально-экономической и политической ситуацией, поэтому и степень демократичности установившихся в разных странах политических режимов различна.

Трансформация постсоветского мира еще не завершена и будет длиться до тех пор, пока Запад не признает, что и он должен претерпеть преобразования: пока ни на Западе, ни на Востоке нет четкого ответа на вопрос, как мы собираемся жить дальше. Сын известного американского ученого, автора книги «Новое индустриальное общество», профессор Дж.К. Гэлбрейт уверен, что со временем «произойдет обвал всей структуры управления, и США окажутся в ситуации, сходной с положением Советского Союза в последние годы своего существования, т.е. будут иметь правительственный аппарат, расходы по содержанию которого столь сильно превысят эффект от его деятельности, что станет невозможным обеспечивать поддержку членов этого аппарата» [1. С. 22]. Игра, развернувшаяся на глобальном политическом поле, предопределяет лицо всего мироустройства в XXI веке.

Для постсоветских стран переход к устойчивому развитию возможен лишь через адаптацию к новым реалиям: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [14. С. 10]. Столкновения на политическом поле по-новому формируют политическое пространство. Зачастую отсутствие баланса в системе сдержек и противовесов, крен в одну из политических сторон или в пользу исполнительной власти, недостаточная четкость в распределении полномочий между акторами и неконструктивность оппозиции существенно усложняют возможности адаптации.

Понятие «политическое поле» — давно устоявшийся термин и необходимый атрибут любого государства. Политическое поле — это пространство, в котором происходит борьба за власть. Его содержание подвижно и под влиянием событий как внутри, так вне государства может меняться кардинально. Мы под «политическим полем» понимаем социологическую категорию, обозначающую реальную территорию определенного государства, в границах которого конкурируют политические группы разной идеологической направленности и отдельные политики, которые предлагают населению свои программы для получения власти [9. С. 4].

Политическое поле имеет особую структуру и логику функционирования. Основные его характеристики — это статусные роли субъектов, конфигурация пространства, спектр поля, характер взаимоотношений противостоящих сил, методы сохранения приоритетов противоборствующих субъектов. Главный субъект политического поля — электорат, т.е. граждане страны, имеющие право избирать органы власти или быть избранными в эти органы, а также реальные представители власти. Электорат может быть активным и пассивным. Первый отличается достаточно высоким уровнем политического участия: наличием определенных установок на предпочтение тех или иных идеологий и политических групп; стремлением участвовать в избирательном

процессе и т.д. Второй характеризуется полным игнорированием всего названного в силу безразличного отношения к происходящему. В свою очередь, активный электорат состоит из участвующего и сочувствующего: в первую подгруппу входят члены политических партий и участники негосударственных организаций, реально действующие сторонники властных структур и оппозиции; к числу сочувствующих можно отнести людей, имеющих осознанно-определенную позицию в оценке происходящих событий и готовых голосовать на выборах, руководствуясь этой точкой зрения, но не принимающих участия ни в каких политических действиях.

Исходя из приведенных характеристик субъектов политического поля, можно определить его внутреннюю конфигурацию. Ее основой может стать широко используемая в науке схема «авансцена — ядро — периферия»: на «авансцене» находятся публичные политики и общественные деятели, известные всей стране; «ядро» составляют члены многочисленных политических организаций, партийные активисты, политтехнологи, политологи и журналисты, участвующие в политическом процессе, а также все сочувствующие, готовые на выборах поддержать тех или иных политиков, ту или иную политическую группу; «периферия» включает в себя пассивный электорат [9. С. 5].

Понятия «сильной» и «слабой» власти возникают в политическом поле при определенных обстоятельствах. В своем социологическом романе «Русский эксперимент» А.А. Зиновьев отмечает: «Что нужно для устойчивой, постоянной сильной власти? Во-первых, держать в страхе население, причем — постоянно. Создать репрессивные силы. Сажать, расстреливать. И не одного-двух, а много. Во-вторых, систематически улучшать условия жизни широких слоев населения, заручившись, тем самым, их поддержкой. И, в-третьих, возвыситься над всеми слоями общества, проводя политику сглаживания крайностей в материальном и социальном отношении, стать “отцом” нации... Сильная власть — не просто уважаемая населением и хорошо работающая система управления. Имеется в виду нечто иное, а именно — единая власть, осуществляющая насилие недемократическими и неэкономическими методами» [5. С. 51]. Такая власть предполагает «силовую реализацию решений и потому не может не быть авторитарной. Есть пределы для демократизации власти. За этими пределами она не способна обеспечить выживаемость системы, которой признана управлять. Однако и ужесточение власти ведет к потере базы ее восприятия» [2. С. 35]. Таким образом, «сильная» власть — это умение находить правильные решения и реализовывать их, твердость и решительность при выполнении своих обязанностей, обещаний и планов, предельно уважительное отношение к гражданскому обществу, постоянный учет мнений и предпочтений населения, реальное доверие народа.

Ослабление власти — обычно предвестник назревающей катастрофы, «поскольку компенсирующие слабость власти факторы оказались недостаточно эффективными»: система воспитания и образования; организация

жизни трудовых коллективов; административно-бюрократическая рутина; пресса; общественное мнение; система правосудия и т.п. — «одним словом, все прочие элементы общественного целого» [5. С. 52]. Яркий пример политического поля «слабой» власти — последний период функционирования СССР, когда принимались решения, которые уже не выполнялись, аппарат управления был деморализован, ситуация приближалась к анархии.

Вопрос о пределах возможного встает перед каждой властью. В нынешнее динамичное время просто сохранять *status quo* чревато значительными осложнениями. Современные государства настолько втянуты в глобальную информационную жизнь, что обособиться от остального мира просто не удастся, и в этом нет никакого смысла. Пределы возможного зависят от ресурсов власти — целого ряда положений как внутреннего, так и внешнего порядка, включая размер государства, численность и качество населения, природные богатства, уровень развития экономики, образования, культуры.

Особенности политического поля современного государства

Социологи Белорусского государственного университета проводят электоральные исследования с 1987 года. Они касались в основном выборов в Верховный совет, а после введения поста Президента — президентских избирательных кампаний. Каждая кампания имела свои особенности на политическом поле, и некоторые из них мы рассмотрим ниже.

Политическое поле с его составляющими, структурой и функциями может существовать как в реальном измерении, так и в виртуальном [9. С. 8–9]. Реальное политическое поле — это партии, институты, власть, оппозиция и т.д., и главное для поля — как оно воспринимается электоратом. Виртуальное поле — это программа будущего выбора, поле электоральных предпочтений. Реальное и виртуальное пространства, как правило, не совпадают по объему, и такое несовпадение (до определенной степени) является признаком эффективных действий субъектов поля и подтверждением демократичности ситуации в пределах этого поля. В виртуальном поле может функционировать рынок политических идей, происходить вытеснение одних сил другими, поскольку виртуальное политическое поле — формирование временное, гибкое, легко меняющееся. Реальное политическое поле меняется с трудом, является образованием формальным и консервативным, а потому отражает долговременную политическую установку. Прогноз развития ситуации в государстве должен опираться на данные, описывающие состояние как реального, так и виртуального политических полей.

Пустот в политическом поле не бывает — они быстро заполняются, но только в виртуальном поле, где пустоты часто додумываются электоратом на базе опыта или воображения. Реальное политическое поле должно выступать основой для поля виртуального и влиять на процесс его формирования, а не подстраиваться под него для получения политических дивидендов.

Освободившаяся в политическом поле ниша не бывает долго свободной и тут же заполняется, причем далеко не всегда той группой, что была инициатором изменения спектра политического поля. Незаполненное пространство может неожиданно занять политическая группа или политик, которые в итоге оказываются нежелательными для общества, хотя в истории немало противоположных примеров. Нормальное состояние политического поля — относительное равновесие сил с симметричными колебаниями.

С обретением суверенитета в новых государствах возросло число субъектов борьбы за власть, расширился их политический спектр, появились разнообразные политические технологии. В противостоянии на политическом поле сталкиваются дела власти и слова оппозиции. О власти электорат имеет возможность судить по конкретным делам, и кандидат от действующей власти имеет преимущества перед оппозиционным кандидатом, но в то же время и более уязвим, поскольку ответственность за все происходящее в государстве лежит на власти. Оппозиция критикует власть за происходящее в стране — в этом историческая функция оппозиции, ее предназначение в обществе и государстве. Популизм оппозиции непроверяем — он может «захватывать» недовольных своим положением, жизнью и, следовательно, властью. В такой ситуации властные структуры зачастую используют так называемый «административный ресурс».

Исследования показывают, что граждан постсоветских государств волнует не столько политика и демократия, сколько собственная жизнь. На первых местах в рейтинге ценностей европейцев (включая и восточных, представляющих новые государства на постсоветском пространстве) оказались семья, работа, здоровье и досуг, т.е. все то, что напрямую относится к понятию «личная жизнь» [9. С. 10]. «Можно с уверенностью утверждать, что для многих белорусов вопросы, относящиеся к сфере политической власти, актуальны в той мере, в которой они оказывают влияние на их личное благосостояние. Политические ценности... во многом пересекаются с ценностями экономическими» [6. С. 99]. Согласно В.А. Ядову в таких случаях «люди не видят для себя возможности контролировать ситуацию за пределами узкого жизненного пространства» [13. С. 550]. Проведенный анализ показал, что дестабилизация ситуации возможна только тогда, когда условия жизни с точки зрения людей будут неудовлетворительными, материальное положение будет ухудшаться, а доверие властным структурам станет достаточно низким [11. С. 29–30].

Политическое поле каждого государства имеет свои особенности, которые коренятся в национальных традициях, предшествующем историческом опыте, поведении противоборствующих политических сил и политических установках избирателей. Большую роль в политическом поле играют СМИ и новые медиа, благодаря чему «политические игры сразу же становятся достоянием публики» [8. С. 159]. Сегодня происходит перераспределение «информационного влияния на аудиторию от традиционных СМИ к медиакоммуникативным,

которые, в свою очередь, при изменяющихся форматах подачи информации сохраняют характеристики традиционных сегментов поля (например, онлайн-телевидение)» [4. С. 396], что необходимо учитывать при проведении электоральных исследований.

На политическом поле основным игроком всегда выступает власть. Как и в шахматной игре, многое зависит от готовности лидера просчитать свои шаги далеко вперед. Первые президентские выборы на постсоветском пространстве показали, что в образовавшееся «незаполненное» электоральное пространство лучше всего вписывается программа независимого претендента — он может навязать дискуссию по вопросам, которые являются самыми актуальными для избирателей в конкретный период. Власть и оппозиция связаны между собой многочисленными нитями, видимыми и невидимыми, которые не всегда можно разорвать — пропадет интрига существования власти. Политическое противостояние может быть в рамках закона, а может выходить за эти рамки; может быть мягким и жестким, организованным и стихийным, обоснованным и надуманным. Отсутствие оппозиции — прямой путь к диктатуре, слабая власть и сильная оппозиция — основа анархии. Чем неустойчивее политическое поле, тем выше роль носителя высшей власти и его личных качеств.

Опасность дестабилизации и ее допустимые пределы

Кардинальные перемены на постсоветском пространстве не сделали мир более устойчивым, не разрешили ни одного конфликта. Большинство новых независимых государств оказались не в состоянии в короткие сроки и без помощи извне преодолеть проблемы трансформации. Попытки самостоятельных действий постоянно наталкивались и наталкиваются до сих пор на противодействие со стороны окружающих государств, обрекая новые страны на роль аутсайдеров и новую зависимость.

В любом государстве всегда присутствует опасность дестабилизации — деструкции политической системы и экономического уклада с целью радикального преобразования общества посредством приведения его в нестабильное состояние. Результатом дестабилизации является либо полная смена правящей политической элиты, либо системный кризис модели управления. Сама по себе дестабилизация как комплекс технологий, направленных на приведение сложившейся системы общественных отношений в деструктивное состояние, требует обязательного наличия дестабилизирующих факторов — это необходимые стимулы скрытых форм конфликтогенности, которые с переходом в публичную сферу активизируют дестабилизирующий потенциал (многое зависит от ситуации, расстановки политических сил, их действий на политическом поле). Важным моментом дестабилизации может стать ситуация, когда у части населения развиваются пессимизм и отчаяние, ощущение своей ненужности, напрасно прожитой жизни. Углубление пропасти между богатыми и бедными, прогрессирующее обнищание значительной части

трудоспособного населения порождают реакцию отторжения, в том числе рост преступности, депрессию и другие негативные последствия. Тогда люди становятся заложниками событий, которыми они не умеют управлять, — легкими жертвами манипуляции в игре на политическом поле.

За последние десятилетия формы борьбы на политическом поле в постсоветских государствах протерпели существенные изменения. Если прежде акцент делался на экономическом, дипломатическом, политическом давлении, то сегодня предпочтение отдается информационным войнам и иным формам информационно-психологического воздействия на массовое сознание. Как точно отметил М. Кастельс, «наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание... Если фундаментальная битва за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневной жизни происходит вокруг формирования человеческого сознания, то коммуникация является эпицентром этой битвы. Поскольку именно через коммуникацию человеческое сознание взаимодействует с его социальным и естественным окружением. Этот процесс коммуникации происходит в соответствии со структурой, культурой, организацией и технологией коммуникации в данном обществе. Коммуникационный процесс, несомненно, опосредует способ, в соответствии с которым властные отношения конструируются и оспариваются в каждой сфере социальной деятельности, включая политическую практику» [7. С. 20–21].

Среди важнейших дестабилизирующих факторов на политическом поле постсоветских стран часто называют внешние силы: «в отличие от традиционных методов (торговое эмбарго, объявление дипломатических представителей персонами нон грата и т.д.) они переключили внимание на импорт технологий дестабилизации или, как сейчас принято говорить, решение задач с помощью “мягкой силы” в контексте реализации сценария “цветных революций”» [3. С. 76–77]. Технология «цветной революции» — это комплекс методик политической дестабилизации, направленный на быструю смену правящей элиты. Концептуальной основой сценария «цветной революции» выступает теория ненасильственного сопротивления действующей власти Д. Шарпа [17].

Рискогенным направлением, уязвимым для деструктивного воздействия, выступают ценностные ориентации личности. Еще П.А. Сорокин в работе «Социология революции» отмечал, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения» [12. С. 272]. Опасность дестабилизации возрастает, когда не удовлетворяются материальные потребности населения и ухудшается материальное положение граждан. Протестные настроения могут возникать, когда власть не способна создать условия для реализации базовых ценностей разных социально-демографических групп, что во многом обусловлено преимущественно патерналистским сознанием населения постсоветских стран [11. С. 29–30].

Основная роль и функция власти заключается в том, чтобы создать необходимые условия для развития экономики и социальной сферы, надежно и стабильно обеспечить безопасность граждан, социальную справедливость и общественный порядок, эффективно подавить и искоренить организованную преступность, не дать развернуться коррупции и протекционизму. Политическая стабильность — одно из главнейших условий возрождения и постепенной интеграции в мировую экономику.

Активный общественный диалог и наличие различных, а зачастую взаимоисключающих позиций, идей и концепций распространяется на многие сферы жизнедеятельности постсоветских стран. Даже такие ценности и социокультурные приоритеты, как сохранение национального суверенитета, укрепление политической стабильности, укрепление правопорядка, либерализация экономических отношений, повышение роли государства как гаранта успешных социальных преобразований, трактуются на политическом поле разными силами и группами по-разному, исходя из стратегических целей. Перемены 1990-х годов так и не создали «иммунитета» к радикально-революционным моделям социального переустройства, которые чреваты глобальным обострением социальных противоречий и утратой политической стабильности. Люди по-прежнему обеспокоены глобальной нестабильностью, опасностью дестабилизации ситуации и ждут «установления социальной справедливости, стабильного социального положения и устойчивого гарантированного будущего, а также хотят понять, какое общество строится» [15. С. 303].

Пределы власти зависят от ее ресурсов, и у каждой страны они свои. В любом государстве присутствует опасность дестабилизации, риск которой зависит от условий жизни населения: будет материальное положение ухудшаться — доверие властным структурам будет падать. Если власть не создает условия для реализации основных ценностей, то в обществе формируется недоверие к органам государственного управления. Поэтому основная задача любой власти — создавать необходимые условия для развития экономики и социальной сферы и обеспечения социальной справедливости.

Библиографический список

- [1] Гэлбрейт: возвращение / Под ред. С.Д. Бодрунова. М., 2017.
- [2] *Данилов А.Н.* Власть и общество: поиск новой гармонии. Минск, 1998.
- [3] *Данилов А.Н., Ротман Д.Г.* Приоритет мягкой силы в дестабилизации современного социума (на примере Республики Беларусь) // Социологические исследования. 2019. № 2.
- [4] *Данилов А.Н., Ротман Д.Г., Посталовский А.В., Бузовский И.И.* Особенности социологической диагностики информационного поля Республики Беларусь // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3.
- [5] *Зиновьев А.А.* Русский эксперимент. М., 1995.
- [6] *Иванюто О.В.* Политические ценности // Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. Минск, 2019.

- [7] Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.
- [8] Колодко Гжегож В. Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? М., 2015.
- [9] Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / Под ред. Д.Г. Ротмана, В.В. Правдивца. Минск, 2007.
- [10] Ротман Д.Г., Правдивец В.В., Белов А.А. Электоральные социологические исследования: организация опроса в день выборов (экзитпол) // Журнал БГУ. Социология. 2015. № 3.
- [11] Современное белорусское общество: социологическое прочтение / Под общ. ред. А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2018.
- [12] Сорокин П. Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- [13] Социология Ядова: методологический разговор / Ред.-сост. Е.Н. Данилова, Л.А. Козлова, П.М. Козырева, О.А. Оберемко. М., 2019.
- [14] Степин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3.
- [15] Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.
- [16] Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М., 2010.
- [17] Шарп Д. От диктатуры к демократии. Екатеринбург, 2005.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-487-497

Features of the political field of ‘strong’ and ‘weak’ power: Acceptable limits*

A.N. Danilov¹, D.G. Rotman²

¹Belarusian State University
Kalvarijskaja St., 9, Minsk, 220004, Belarus

²Center for Sociological and Political Studies of the Belarusian State University
Akademicheskaya St., 25, Minsk, 220072, Belarus
(e-mail: a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

Abstract. The article considers the features of the political field of ‘strong’ and ‘weak’ power, and social institutions and structures that influence the transformation process. The authors propose a new reading of the concept of ‘political field’, and its main characteristics are the status roles of subjects, configuration of space, nature of the relationship of opposing forces, and methods for preserving the priorities of the opposing subjects. The article identifies interaction problems between the government and the opposition, mechanisms of power retention, tendencies and prospects for the development of the political field of ‘weak’ and ‘strong’ power under crises, global instability and government mistakes that lead to dramatic changes in the public opinion. The authors note that clashes in the political field restructure the political space in a new way, which is due to both peculiarities of the historical development and the social-economic and political situation. Transformations of the post-Soviet world are not complete, and the transition of post-Soviet countries to the sustainable development is possible only by adaptation to new realities. The peculiarity of the political field is the constant confrontation of its subjects: the more unstable the political field, the higher the unpredictability of events and the role of the leader. In the contemporary state, there is always a danger of destabilization due to information wars and new forms of influence on the mass consciousness, values and behavior. The empirical basis of the

* © A.N. Danilov, D.G. Rotman, 2020.

The article was submitted on 23.04.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

article are monitoring sociological studies conducted from 1987 to identify the level of social tension and political stability, 'fullness' of the political space, rankings of politicians, etc.

Key words: political field; 'strong' and 'weak' power; opposition; scenarios and mechanisms of power change; 'soft' and 'hard' ways for changing power

References

- [1] *Galbraith: vozvrashchenie* [Galbraith: The Return]. Pod red. S.D. Bodrunova. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [2] Danilov A.N. *Vlast i obshchestvo: poisk novoy garmonii* [Power and Society: In Search for New Harmony]. Minsk; 1998 (In Russ.).
- [3] Danilov A.N., Rotman D.G. Prioritet myagkoy sily v destabilizatsii sovremennogo sotsiuma (na primere Respubliki Belarus) [The priority of soft power in the destabilization of the contemporary society (on the example of the Republic of Belarus)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 2 (In Russ.).
- [4] Danilov A.N., Rotman D.G., Postalovsky A.V., Buzovsky I.I. Osobennosti sotsiologicheskoy diagnostiki informatsionnogo polya Respubliki Belarus [Features of the sociological diagnostics of the media field in the Republic of Belarus]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (3) (In Russ.).
- [5] Zinoviev A.A. *Russky eksperiment* [Russian Experiment]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [6] Ivanyuto O.V. Politicheskie tsennosti [Political values]. *Tsennostny mir sovremennogo che-loveka: proekt "Issledovanie evropeyskikh tsennostey", volna-2018*. Pod red. D.M. Bulynko, D.G. Rotmana. Minsk; 2019 (In Russ.).
- [7] Castells M. *Vlast kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [8] Kolodko Gzhegozh V. *Globalizatsiya, transformatsiya, krizis — chto dalshe?* [Globalization, Transformation, Crisis — What's Next?]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [9] *Metody sotsiologicheskogo izucheniya osobennostey funktsionirovaniya politicheskogo polya* [Methods for the Sociological Study of the Peculiarities of the Political Field Functioning]. Pod red. D.G. Rotmana, V.V. Pravdivitsa. Minsk; 2007 (In Russ.).
- [10] Rotman D.G., Pravdivets V.V., Belov A.A. Elektoralnye sotsiologicheskie issledovaniya: organizatsiya oprosa v den vyborov (ekzitpol) [Electoral sociological research: Organization of the poll on the election day (exit poll)]. *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*. 2015; 3 (In Russ.).
- [11] *Sovremennoe belorusskoe obshchestvo: sotsiologicheskoe prochtenie* [Contemporary Belarusian Society: Sociological Interpretation]. Pod obshch. red. A.N. Danilova, D.G. Rotmana. Minsk; 2018 (In Russ.).
- [12] Sorokin P. Sotsiologiya revolyutsii [Sociology of revolution]. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo*. Moscow; 1992 (In Russ.).
- [13] *Sotsiologiya Yadova: metodologichesky razgovor* [Sociology of Yadov: Methodological Conversation]. Red.-sost. E.N. Danilova, L.A. Kozlova, P.M. Kozyreva, O.A. Oberemko. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [14] Stepin V.S. Tsivilizatsiya v epokhu peremen: poisk novykh strategiy razvitiya [Civilization in the era of change: In search for new development strategies]. *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*. 2017; 3 (In Russ.).
- [15] Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiy i revolyutsiy (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (A Theoretical-Empirical Analysis)]. Moscow; 2020 (In Russ.).
- [16] Fedorov V.V. *Russky vybor. Vvedenie v teoriyu elektoralnogo povedeniya* [Russian Choice. Introduction to the Theory of Electoral Behavior.]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [17] Sharp G. *Ot diktatury k demokratii* [From Dictatorship to Democracy]. Yekaterinburg; 2005 (In Russ.).